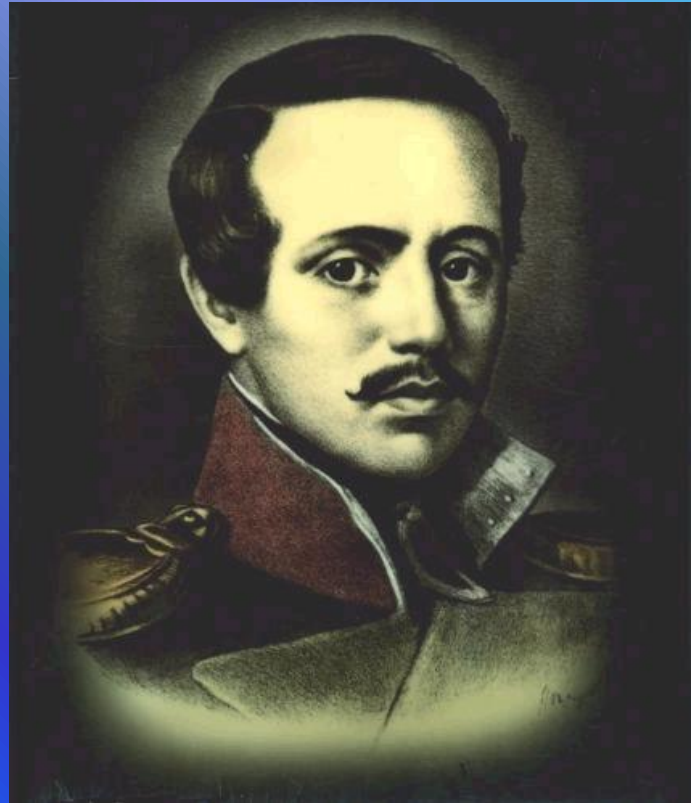

Иллюстрации художников к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Учитель русского языка и литературы
МОУ «Могойтуйская средняя школа №2»
Бутуханова Регина Владимировна

Бэла

Художник Валентин Александрович Серов (1865-1911) создал на своей иллюстрации запоминающийся образ Бэлы. Слова из повести: *"...сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна"* - приобрели в рисунке художника убедительность и завершённость. Выразителен взгляд Бэлы, заставляющий вспомнить слова Максима Максимыча: *"Что за глаза! Они так и сверкали, будто два угля."* В соотнесённости с цельным образом Бэлы Печорин раскрывается и в своей любви, и в своей жестокой холодности: *"Любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и протосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой"*.

Герои иллюстрации Михаила Александровича Врубеля (1856-1910) - "естественные" характеры, страстные и волевые. Бешенству и напряжению Азамата на рисунке противопоставлены сознание силы и превосходства Казбича, горца с "неподвижными, огненными" глазами. Композиционным центром рисунка является "разбойничья" лошадь Казбича, которая послужила причиной ссоры героев повести и о которой с одинаковым восхищением говорят Казбич, Азамат, Максим Максимыч, Печорин. В романе каждый из героев соотнесён с Печориным и помогает раскрыть ту или иную черту лермонтовского героя. При сопоставлении эпизодов потери Казбичем коня, погони Печорина за Казбичем и погони Печорина за Верой можно заметить, что переживания Казбича и Печорина во многом сходны.

Иллюстрация Владимира Георгиевича Бехтеева (1878-1971) комментирует один из самых драматических моментов повести - похищение Бэлы Казбичем. Рисунку созвучны слова: *"Он что-то закричал нам по-своему и занёс над нею кинжал"*. На переднем плане рисунка отчаянно сопротивляющаяся Бэла и *"маленький, сухой, широкоплечий"* Казбич в черкесской мохнатой шапке и бешмете. На втором плане видна раненая лошадь Казбича. Хотя художник и не показал догоняющих Казбича Печорина и Максима Максимыча, их приближение заставляет почувствовать динамичная композиция рисунка.

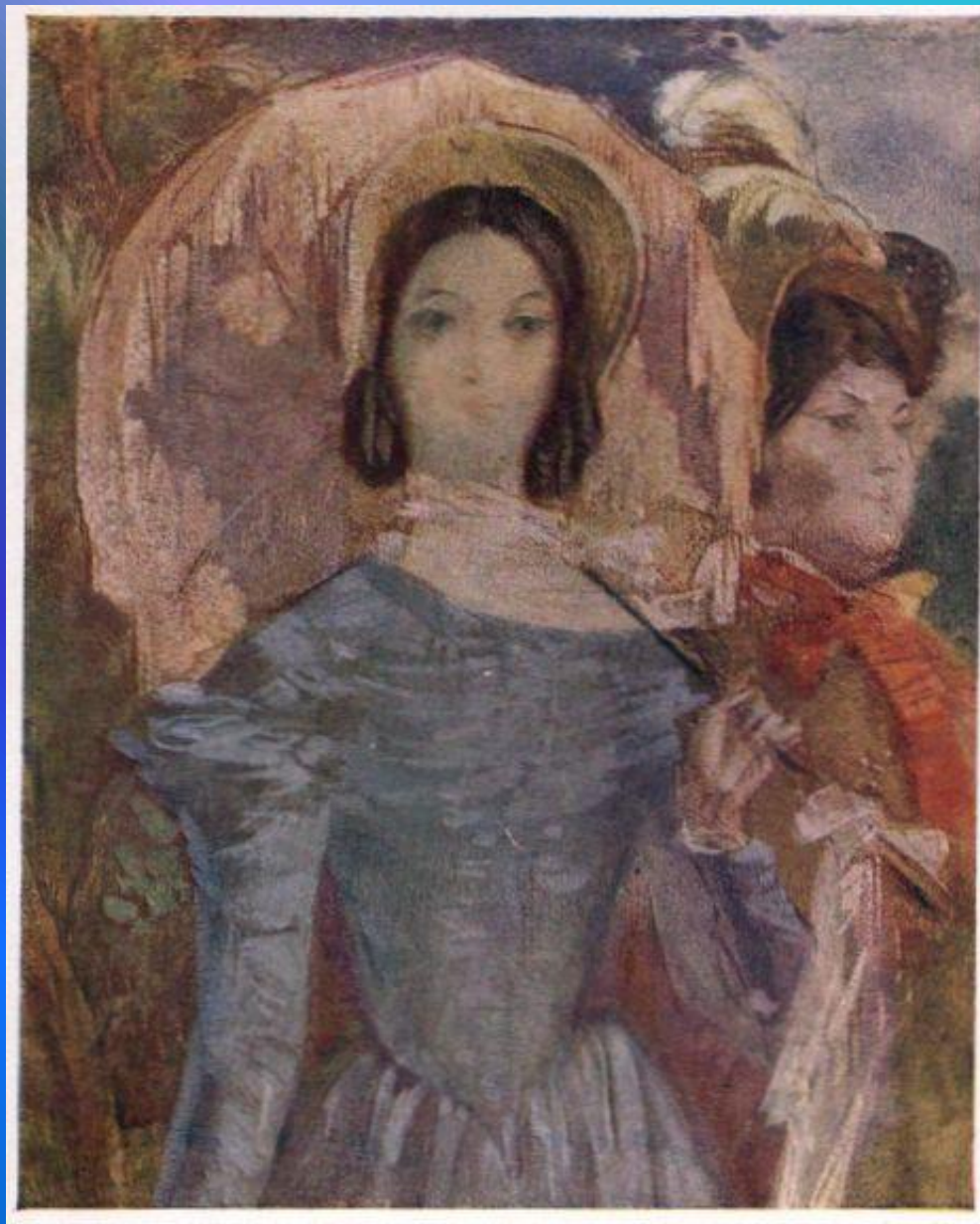
Максим Максимыч

На рисунке Николая Никаноровича Дубовского (1859-1918) Максим Максимыч изображён в тот момент, когда коляска Печорина, холодно распрощавшегося со своим бывшим приятелем, *"была уже далеко"*. Очертанием горестно согбенной фигуры Максима Максимыча художнику удалось передать чувство недоумения и досады, охватившее доброго штабс-капитана после отъезда Печорина.

Тамань

Княжна Мери

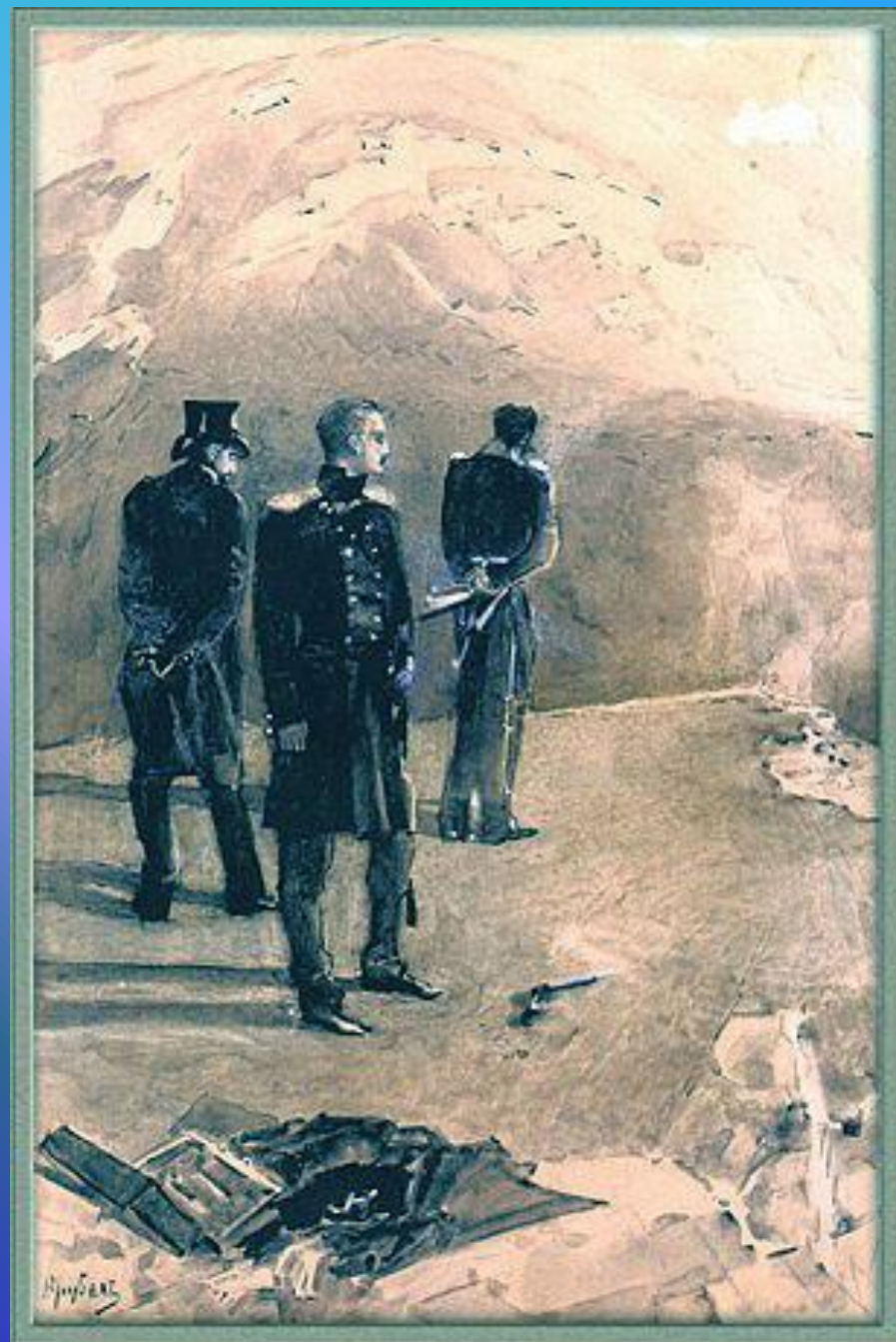

"Легче птички она к нему подскочила, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести" - именно эти слова нашли изобразительный отклик у художника, не противоречащий лермонтовскому словесному портрету княжны, у которой "бархатные глаза", "глаза без блеска: они так мягки, будто тебя гладят". Грушницкий, одетый в "толстую солдатскую шинель", "хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет..."

«Пробегаю в памяти всё моё прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и, верно, было во мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

Вернер и драгунский капитан, отвернувшись от Печорина, смотрят на место, где только что стоял Грушницкий. Их раздумья нележки, им, кажется, еще тяжелее, чем Печорину: они отвернулись от него, головы их опущены. Вернер изображен Врубелем не точно в соответствии с текстом романа. Он очень высок, а Печорин пишет, что он "мал ростом", на нем черные сюртук и цилиндр, в то время как в день дуэли доктор был одет в "серые рейтузы, архалук", а на голове его была "черкесская шапка". Но Врубель не стремится к точности деталей, интересуясь больше психологическим состоянием участников дуэли и особенно Печорина.

Фаталист

«Вулич спустил курок... осечка!»

